

Р е ц е н з и и, о б з о р ы, и н ф о р м а ц и я

Книга о «литовском нелитовце»

[Павел Лавринец. Евгений Шкляр: жизненных путь скитальца. Монография. Вильнюс: Изд-во Вильнюсского университета, 2008, 390 с.]

Книгу Павла Лавринца о Евгении Шкляре, мало известном сегодня литературном деятеле межвоенного Каунаса, мы ждали давно. Ждали, прежде всего, потому, что все, о чем писал Лавринец ранее, казалось образцом внимательности и точности при изучении научных фактов. Книга о Шкляре писалась не год и не два, и с некоторыми ее страницами можно было познакомиться во время выступлений автора на различных научных конференциях, а также и по отдельным его публикациям. Мы знали о пишущейся монографии и по годовым заключительным работам студентов, которые в какой-то степени тоже «приложили руку» к сбору старого газетного материала для будущей книги. Однако до появления фолианта никто и не мог предположить, какая серьезная, четко структурированная монография появится на свет, хотя в научной скрупулезности Лавринца никто никогда не сомневался. Обилие фактического материала (книга буквально соткана из систематизированных фактов), методологическая четкость и аккуратность превзошли все ожидания: любой писатель, даже очень хорошо известный, мог бы позавидовать появлению такой исчерпывающей монографии о себе. Наконец-то стало понятно, что имел в виду автор книги о Шкляре, сказав на одной из ее презентаций, что любит работать по «принципу бульдозера» – не оставлять для последующих исследователей необнаруженной, новой информации по тому или другому вопросу. И, действительно, после

данной книги о Шкляре вряд ли встретятся желающие отыскать еще какой-то материал о нем, роаясь в пожелтевших, пыльных газетах. И хотя на той же презентации автор книги обмолвился, что остались еще в биографии Шкляра «белые пятна» (особенно это касается его происхождения и детских лет, проведенных не в Литве, а в России, в частности, в Ростове), все равно их уточнение, на мой взгляд, ничего бы не прибавило: все возможные версии событий и их последствия имеют место в книге Лавринца, и новые, случайно открытые факты только подтвердили бы предложенные автором гипотезы.

Герой «Жизненного пути скитальца» – фигура яркая, хотя и незаслуженно забытая. А ведь в свое время, прежде всего в 20-е гг. XX века, это был один из самых серьезных проводников литовской литературы к иноязычному и зарубежному читателю. Во время чтения монографии меня не покидал вопрос: для какой же культуры – русской или литовской – имя Шкляра более значимо? Какая из литератур более в долгу перед поэтом, о котором можно сказать его же собственными словами из стихотворения «Памяти Н. Н. Златовратского»:

А люди чем ему за это отплатили?!
И разве видел он и ласку и привет?
Нет? Люди ведь о нем, великом, позабыли
На много, много долгих лет.

Да, возможно, эпитет «великий» – не самый подходящий для Шкляра. И его по-

эзия на фоне русской литературы той поры (10-20-х гг. XX века) ничем особенным не выделяется, часто имеет даже подражательный характер, чего сам поэт, кажется, особенно и не скрывал, и на что нередко указывается в книге Лавринца, где приводится не один анализ отдельных стихов Шкляра, написанных в разное время. Но ведь русская литература всегда отлично понимала, что без подмастерьев мастеров не бывает, что слава последних часто обязана тихому, незаметному труду первых (об этом писал еще Салтыков-Щедрин). И разве тогда не могут быть великими те, кто взяли за миссию пропагандировать не столько собственное творчество, но и произведения, созданные на другом языке, в другой культурной среде и для той, другой, культуры весьма значимыми писателями – такими, как Винцас Миколайтис-Путинас, Людас Гира или Саломея Нерис? Миссия Шкляра как пропагандиста литовской литературы становится еще более важной, если принять во внимание то, что рядом с ним в им избранном деле никого другого не оказалось, что он действовал в одиночку, по собственной инициативе, а у литовских авторов той поры не так-то много было возможностей оказаться услышанными в таких центрах мировой культуры той поры, как Берлин или Париж.

Факты в книге говорят сами за себя. Автор сумел расположить их так, что все комментарии к ним оказались бы лишними: зачем заинтриговывать доводами и гипотезами, догадками, предпосылками и вольным толкованием, когда известны конкретные факты? Отсутствие надуманной интриги, научная объективность, думаю, и выделяют книгу Лавринца на фоне других, подобных ей по поставленным задачам и по структуре – представить жизненную позицию отдельно взятой личности на фоне истории.

Эта книга – сугубо творческая биография человека, случайно (или нет) оказавшегося на историческом пути Европы в тот слож-

ный период, когда складывалось самосознание разных народов: литовского, русского, еврейского... Жизнь и творчество героя монографии показаны через исключительно объективные, проверенные временем факты, зафиксированные, в основном, в газетах того времени. Книга о Шкляре – это и монография о литовских и русских периодических изданиях той поры, и попытка представить историю в целом через призму печати. Не один читатель книги окажется под впечатлением пересказов о литературных и театральных вечерах в Каунасе 1920-гг., о дискуссиях и спорах известнейших деятелей литовской литературы, в центре которых нередко оказывался Шкляр. Правда, по прошествии времени многое может показаться не столь важным и значительным. Но ведь без объективных сведений из той или любой области, пусть и не столь заметных на фоне судьбоносных событий XX века, нельзя полностью представить полно эпохи.

Не думаю, что здесь стоит пересказывать события из жизни Шкляра: где родился, когда и где появились первые стихи, какого рода они были, в каком направлении эволюционировала его поэзия (об этом, как уже отмечалось, много говорится в книге, а некоторые сборники стихов, такие, как *Кипарисы*, *Караван*, разобраны очень подробно), кем и когда она переводилась, кого переводил сам Шкляр, где и когда публиковал переводы, как они оценивались и, главное, почему у этого человека, еврея по происхождению, воспитанного на русской культуре и пишущего по-русски, была такая привязанность к Литве, сохранившаяся на протяжении всей жизни. Эта история любви к чужому приютившему его краю символически, я бы сказала, обрамлена рассказом об окруженных тайной происхождением и смерти героя, как будто этот человек только и появился в Литве для того, чтобы воспеть ее и исчезнуть, ничего не требуя взамен.

Пишу об этом и еще раз убеждаюсь, что сохранять память о таком человеке, как

Шкляр, в первую очередь, должно было бы стать обязанностью литовской культуры. Помешало, видимо, то, что Шкляр писал только на русском языке... И теперь история с ее вечной, отвлекающей от главного, полемикой о своем и чужом, кажется, в очередной раз выкинула штуку: книга о том, кто посвятил себя служению литовской литературе, написана на русском... Россия и Литва, литовцы, евреи, русские... Вечные узлы истории, а ведь Шкляр еще тогда хотел их распутать посредством изучения, объяснения, представления, с помощью переводов единственного стоящего и ценного для всех и всех объединяющего –

искусства. Во всяком случае, именно такой предстает его личность в книге Лавринца.

И кто сказал, что в истории литературы или любой другой есть место только признанным, великим? Книга Павла Лавринца написана так, что ее герой, Евгений Шкляр, на фоне остальных деятелей литературой той поры выглядит если не первостепенной, то весьма немаловажной фигурой, что это вокруг него и благодаря ему происходили очень важные события в жизни литовской литературы. Если ты честно и преданно служил своему делу, ты – главный герой истории. И это обнадеживает. В литературном мире воистину нет смерти. Это еще раз доказал своей книгой о Шкляре Павел Лавринец.

Дагне Бержайте